

ЗАМЕТКИ К КРИТИЧЕСКОМУ ПРОЧТЕНИЮ
М. ХАЙДЕГГЕРА

Часть 2

После «поворота»

Д. Н. Обыденный

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 28 сентября 2013 г.

Аннотация: статья посвящена опыту критического прочтения философских работ М. Хайдеггера, отражающих состояние его мысли до так называемого «поворота». Рассматриваются и анализируются базовые концепты хайдеггеровской системы идей с точки зрения их эвристического философского потенциала, генезиса и финального смыслового посыла.

Ключевые слова: М. Хайдеггер, бытие вообще, человек, забота, время, феноменология.

Abstract: the article expresses the experience of critical reading through M. Heidegger texts reflecting his ideas before «the turn». The author analyses basic concepts of Heidegger philosophy in the context of their meaning and potency.

Key words: M. Heidegger, being itself, human being, care, time, phenomenology.

В части первой данной работы мы пристально всмотрелись в содержание творческого пути М. Хайдеггера до события так называемого «поворота», т.е. хронологически до начала 30-х гг. XX в. Всмотрелись не ради создания еще одного памфлета о творчестве известного мыслителя, но с целью взвесить его мысли предельно критически, выявив их истоки, подтексты, а также тупики.

Тенденция и идейное содержание хайдеггеровского мышления в указанный период имеет интенцию, характеризующую труд философа как принадлежащий к традиции религиозного экзистенциализма, элементы которого не у Хайдеггера впервые появляются, и не у него же и иссякают. Стоит меньше всего пытаться осмыслить именно «феномен Хайдеггера», сколько постараться увидеть в его философской работе те структуры, процессы и компоненты, сопровождающие творческий путь философа в рамках создания им собственной философской доктрины, системы и т.д. Как мыслитель фундаментальный и влиятельный по основному вектору своего творчества, Хайдеггер с неизбежностью встает на пути всякого, кто пытается вникнуть не только в содержание философской мысли XX в., но и понять этот период в контексте всего мирового процесса в исторической ретроспективе и перспективе. Наряду с Платоном, А. Августином, Р. Декартом, И. Кантом, Г. Гегелем – это не всего лишь «один из...», это фигура идеи, сама мысль которой в ее интенсивности и

глубине. Все они вобрали в себя, отразили и выразили не только суть своей эпохи, ее духовные, мировоззренческие и культурные переживания, настроения, страхи, тяготы и надежды, но вместе с тем и взрастили свое творчество из самой имманентной среды философствования в его прошлом, уходящем в глубину эпох и в то же время укореняющемся в первоосновах существования мыслящего человека, ставящего мир и себя под сень метафизического вопроса.

Конец 1920-х гг. Хайдеггер встречает озаренным лучами славы, почитания и даже преклонения. Этому способствовали как успехи в преподавательской деятельности, так и плоды его научного труда, взошедшие на ниве «Бытия и времени», «Кант и проблема метафизики», «Что такое метафизика» и т.д. При этом философ, судя по всему, находился в состоянии внутреннего замешательства и растерянности. Именно это состояние мировоззренческой и философской растерянности, как следует из внимательного изучения итогов «Бытия и времени», скорее всего, и привело мыслителя к связям с национал-социалистическим движением, которые философу до сих пор вменяют в вину, несмотря на то, что муссируемые события имели фрагментарный, достаточно поверхностный и мимолетный характер.

Итогом «Бытия и времени» стало то, что, следуя намеченной Хайдеггером логике исследования, его ум «уперся»; иначе ситуацию трудно охарактеризовать во время как таковое, о котором ничего нельзя сказать, кроме того что оно «временит». Сколько мыслители всех времен не брались постигать время как таковое, из этого мало что выходило в концептуально-содержательном ключе, кроме весьма банальных суждений о том, что «всё течет, всё изменяется», «время есть форма созерцания», «форма существования материи», «поток» и т.д. Время само по себе, равно как и бытие «вообще», по сути своей, есть наиболее «пустые» в содержательном аспекте понятия философии. Их имманентная структура и содержательная наполненность предельно скудны и обогащаются лишь тогда, когда они привязываются к событийности, происходящей в плане сущего (здесь мысли уже есть, где развернуть свою работу).

«Назад к грекам». Следуя философско-методологической максиме своего учителя, Хайдеггер пришел к обнаружению потока времени как смысла бытия «вообще». Вместе с тем такой философский ход оказался, по сути, одним из тупиков метафизической мысли, которые часто сопровождают ее извилистые пути. Возможно, осознавая, что данный «тупик», если пребывать в нем достаточно продолжительно, способен бросить тень на уже сформировавшееся в умах современников представление об исключительной философской одаренности Хайдеггера, мыслитель предпринимает отчаянную попытку продолжать искать смысл бытия «вообще», но несколько иным способом. Оставив бесплодные тавтологии из разряда «бытие бытийствует», «ничто ничтожит» страницам своего дневника, Хайдеггер начинает новый, грандиозный проект, назвать который вполне возможно максимой-императивом «назад к грекам». Конечно же, такой «поворот» трудно объяснить, основываясь лишь исключительно на

латентных карьерных амбициях Хайдеггера. Безусловно, не только его стремление прочно удержаться на позициях ведущего мыслителя Германии и даже Европы руководило им, хотя, очевидно, и это имело место. Философствование о времени и бытии «вообще» погрузили Хайдеггера в своеобразный творческий вакуум, лишенный потенциала дальнейшего развития его собственной мысли.

Проект «возвращения к грекам» концептуально-творчески выглядит наиболее заманчивым из всех возможных. Для этого есть достаточно веские основания.

Прежде всего философия греков – своеобразная колыбель метафизической мысли Запада, ее фундаментальный источник: особенности античного мышления, основные понятия, категории и проблемы во многом предопределили и предрешили специфику становления и содержательную наполненность последующей традиции. В плане интерпретирующей философской работы, вероятно, мало что будет масштабнее и величественнее, чем возвращение в античность, особенно к досократикам, метафизически-поэтические речения которых исполнены пафоса фундаментальной возвышенности философского вопроса о бытии.

Кроме того, в «Бытии и времени», равно как и в докладе «Что такое метафизика?», мысль Хайдеггера постоянно возвращается к одной, пожалуй, важнейшей проблеме: в чем причина генезиса не столько философии, сколько предваряющего ее философского вопроса как некоторого специфического отношения человека к миру, преломления реальности в определенном метафизическом ракурсе ее рассмотрения. Обращаясь к философскому наследию первых греческих мудрецов, Хайдеггер, что вполне логично и неизбежно, если искомым служит уразумение самой природы метафизической мысли, попадает как раз туда, откуда открывается перспектива, позволяющая увидеть философию в ее изначально-сти, не замутненной многочисленными наслоениями последующих веков (религиозным дискурсом, сциентистскими мотивами и т.д.). И наконец, Хайдеггер делает достаточно удачный и перспективный ход. Язык греческой философии – мертвый язык, наполненный множеством полузабытых и даже едва ли вполне реконструируемых полностью и аутентично в рамках культуры XX столетия коннотаций. Обращение к языку далекого прошлого, канувшей в Лету культуры, дает огромнейший простор для интерпретации великих идей прошлого в русле тенденций собственной мысли, интерпретации, способной навязать прошлому собственное прочтение его философского наследия. Этимологический и семантический анализ, работа с языком через «отслеживание» в нем сокрытого «гласа» бытия – излюбленный и сильнейший прием, философско-герменевтический маневр Хайдеггера.

Более того, в отличие от своих начальных опытов интерпретации античной мысли, Хайдеггер теперь обращается не к Аристотелю, мыслителю периода зрелой классики, идеи которого имеют достаточно ясный и системный характер, но к досократикам (Гераклиту, Пармениду, Анаксимандру и др.). Именно их метафорический, граничащий с поэзией,

«темный» стиль вдохновляет Хайдеггера на поиски истины бытия. Даже Платон, по мнению великого шваба, уже претерпел на себе событие забвения бытия, отошел от изначального опыта его открытости мышлению, – этому посвящен достаточно подробно анализирующий притчу о пещере доклад Хайдеггера «Учение Платона об истине».

Проект интерпретирующего прочтения досократиков, замысленный Хайдеггером как грандиозное метафизическое возвращение к истокам философии и опыту открытости бытия, если судить предельно объективно, закончился почти что ничем. Материалы семинаров, названных предельно лаконично и отстраненно «Гераклит» и «Парменид», не добавляют существенной новизны в содержание хайдеггеровской мысли, а явно перегружены излишне подробными и сомнительными в своей компетенции пространными экскурсами в анализ лексики древнегреческого языка. Если в ранних работах Хайдеггер еще пытался сохранять подобие некоей системы мысли, то материалы семинаров по досократикам напоминают достаточно сумбурное как по стилю, так и по содержанию, вольное философствование по «материалам» античной мысли. На них лежит печать некоего внешнего принуждения к мышлению внешними обстоятельствами академической деятельности. Итогом штудирования Хайдеггером наследия ранней греческой философии, по сути, становятся лишь два основных метафизических концепта, которые он пытался развивать в поздний период своего творчества: идея истины как «несокрытости» и «постава» как следствия фундаментального забвения бытия.

Истина и несокрытость. Берклианство. Замахнувшись на осмысление фундаментальнейших и древнейших тем философии (бытие, время, существование человека), Хайдеггер едва ли мог в силу таковой тенденции своего мышления миновать тему философской истины, точнее истины «вообще», поскольку стремление к погружению в исследование различных «вообще» есть характерный почерк его философского пера, позволяющий так же широко и масштабно мыслить, минуя неизбежно возникающие в процессе серьезного рассуждения детали и контексты. Если судить по работам Хайдеггера, посвященным теме истины, становится очевидно в сущности рассмотрение всех прочих концепций истины в одном ключе – так называемой корреспондентной теории, концептуализирующей истину как соответствие знания (суждения) реальности, что выявляется через процедуру верификации.

Различением иных теоретических подходов к проблематике истины Хайдеггер почти не интересуется. Хотя философская мысль XX столетия уже развернула в этом направлении достаточно детальную и продуктивную работу, сформулировав прагматический, конвенциональный и семантический подходы к осмыслению данного концепта. Достаточно быстро и резко «разделавшись» с классической (корреспондентной) теорией истины, увязав ее с фактом забвения бытия, антропоцентризмом и субъектоцентризмом, поразившим метафизику, начиная с греков и достигшего своего апогея у Р. Декарта, Хайдеггер создает собственный

концепт истины, возвращаясь к столь любимому им языку философии древних греков. Здесь же он совершает мало проясняемую, совершенную им подмену. Ранее вполне справедливо он утверждал, что «забвение» бытия – лишь факт игнорирования онтологических вопросов в новоевропейской метафизике, которая действительно, начиная с Р. Декарта и И. Канта была пронизана в значительной степени гносеологически по своей постановке темами; онтологический вопрос в его греческой репрезентации (как проблема «архэ», субстанции и т.д.) решался в Новое время либо в естественно-научной перспективе, либо теологически (Г. Гегель и Ф. Шеллинг). Но теперь Хайдеггер начинает мыслить «забвение бытия» (хотя не столько именно мыслить, сколько громогласно и апокалиптически декларировать, что свойственно было его стилю и ранее) как некую общемировоззренческую катастрофу, произошедшую теперь уже в лоне греческой философской культуры и тем самым определившую и предрешившую деструктивный ход не только западноевропейской метафизической мысли, но и крушение всей западноевропейской культуры, растянутое в веках. Уже в русле философии Платона, скрупулезно исследовав избранные фрагменты его мышления, Хайдеггер обнаруживает тот надлом, который, по его мнению, сыграл роковую роль для европейской культуры: произошел уход от понимания истины как «открытости» в сторону трактовки ее как «соответствия».

Казалось бы, такой поворот мысли должен был бы вернуть Хайдеггера к проблеме субстанции, порождающего начала сущего, но этого, увы, не происходит. В то же время, несмотря на своеобразие «темного» языка Хайдеггера, при тщательном осмыслении его метафизических конструкций относительно проблемы истины что-то конкретное всё же вырисовывается, а именно – явный поворот мысли в сторону берклианства. Повторять здесь учение Дж. Беркли явно излишне, вспомним лишь основной тезис его учения: мир как совокупность перцепций сущего продуцируется в каждом человеческом субъекте Богом, абсолютным субъектом. Хайдеггер, конечно же, не берется конкретизировать, что такое сущее для него: есть ли это совокупность ощущений в сенсуалистическом понимании, или явлений в кантианской трактовке, или материальных объектов и т.д. Мыслитель зачастую либо вообще оставляет данный термин в его не проясненном виде, либо обходится фразами настолько общего характера, что уловить и концептуализировать их смысл и значение становится проблематичным, например: «То, на что направлено наше мироотношение, есть само сущее – и больше ничто. То, чем руководствуется всякая установка, есть само сущее – и кроме него ничто. То, с чем работает вторгающееся в мир исследование, есть само сущее – и сверх того ничто...». Пропустим этот момент, дабы не погружаться в рассмотрение второстепенных в данном случае деталей.

Если истина есть несокрытость, то возникает вполне резонный вопрос – что продуцирует, создает и обеспечивает эту несокрытость? Этот вопрос вполне закономерен и логичен, его невозможно обойти. Хайдеггер приписывает силу раскрытия сущего бытию, так как в контексте базовых

понятий его философии кроме бытия невозможно обнаружить иной реальности (используем этот нейтральный термин), способной сделать это. Если же бытие создает и обеспечивает несокрытость, то логично предположить, что оно выполняет функцию субстанциальности по отношению к многообразию сущего – здесь позиция Хайдеггера концептуально сближается с общей структурой онтологии Дж. Беркли. Хотя, несомненно, у Хайдеггера есть нити, связывающие его идеи с метафизикой Г. Гегеля, но пафос открытости, создаваемый незримым присутствием бытия, идет именно из идей Дж. Беркли. Беркли через доктрину сенсуализма пытался воссоздать присутствие Бога «здесь и сейчас» в каждой нашей перцепции – то же самое пытается сделать и Хайдеггер, философию которого следует мыслить не как систему, но как проповедь и пропедевтику.

«Только Бог еще может нас спасти». Эта финальная фраза Хайдеггера, мажорно-трагический аккорд его грандиозной философской пьесы обнажает всю внутреннюю напряженность мышления философского пророка. Хайдеггер завещал не публиковать эти слова до его смерти. Видимо, именно таким он хотел уйти из мира – мыслителем, покрытым ореолом невысказанной тайны, «пастухом бытия». Однако фраза, брошенная прямо и без прояснений, ставит под вопрос всю основу его творчества и выявляет его как теолога *par excellence*, нового пророка забытого Бога, преданной забвению божественности. Другое дело, что это уже не Бог христианства, но некое метабожество, бывшее у самых начал мышления и одновременно грядущее навстречу из будущего. Единственное, что, пожалуй, успешно удалось Хайдеггеру, – пробудить в своих читателях и слушателях неизбывную тоску по забытому Богу богов, к которому и был обращен его предсмертный мысленный взор.

Подводя итоги нашего, заведомо неполного исследования, фрагментарного критического рассмотрения скорее общего концептуального пафоса философии Хайдеггера, нежели ее идей в деталях, отметим: М. Хайдеггер был и останется великим мыслителем. Заслуга его огромна. Невозможно отрицать то масштабное и глубокое влияние, которое он оказал на умы целой эпохи и еще окажет на мыслителей грядущих времен. В то же время как мыслитель переходного периода Хайдеггер похож на харизматичного пророка, призванного более пробудить в современниках тоску по философии, нежели предложить им некую философию в виде системы, доктрины. Именно в силу этого он так уязвим со стороны концептуально-критического рассмотрения, но и по той же причине его философию так трудно выбросить из сердца.

Воронежский государственный университет

Обьедённый Д. Н., кандидат философских наук, преподаватель кафедры онтологии и теории познания

E-mail: philosclub@yandex.ru

Тел.: 8-920-445-87-77

Voronezh State University

Obyedenny D. N., Candidate of Philosophical Sciences, Lecturer of the Ontology and Theory of Knowledge Department

E-mail: philosclub@yandex.ru

Tel.: 8-920-445-87-77